

К. М. Поливанов
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, Москва

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ЗАБЛУДИВШЕГОСЯ ТРАМВАЯ» Н. ГУМИЛЕВА

«Заблудившийся трамвай» Николая Гумилева, напечатанный в 1921 г., не был обойден вниманием исследователей, предлагавших интерпретации всего стихотворения и его отдельных образов. Стихотворение, появившееся незадолго до гибели поэта, многократно прочитывалось как пророческое представление собственной гибели.

Ему были посвящены работы Р. Тименчика и Э. Русинко, И. Масинг-Делич, Д. Яцутко, Ю. Кроля, С. Поляковой и недавнее обстоятельное исследование Е. Куликовой¹; о стихотворении писали И. Роднянская, В. Полушин, А. Павловский и В. Н. Топоров. Можно вспомнить и замечания об этом стихотворении А. Ахматовой, С. Маковского и И. Одоевцевой². Исследователи предлагали как объяснения отдельных ключевых образов, так и отмечали важнейшие аллюзии, связанные с А. Рембо, Э. По, В. Гауфом и др.

Тем не менее кажется не лишенным смысла предложить здесь несколько наблюдений над композицией «Заблудившегося трамвая», которые не опровергают большую часть сделанного его интерпретаторами, но представляют последовательное и, как кажется, простое объяснение логики текста стихотворения.

Попробуем выделить последовательно возникающие в, казалось бы, хаотическом движении трамвая во времени и пространстве, логические звенья: сперва движение трамвая как будто соответствует *знаниям* героя, затем *воспоминаниям*, потом возникает *осознание* совершенной ошибки, *раскаяние*, и после этого приходит новое и высшее «*понимание*». Новое «понимание» ведет к *возвращению* в знакомое пространство Петербурга-Петрограда, в котором герою надлежит совершить службу в Исаакиевском соборе и вину свою загладить. Опорными «вехами» на этом пути

становятся с акмеистической точностью употребленные слова: «понял», «наша свобода», «верная твердыня православья». Попробуем теперь представить маршрут героя стихотворения более подробно в предлагаемом нами ракурсе.

Вскочив на «незнакомой улице» на «подножку» трамвая, герой пересекает по «трем мостам» известные ему реки Неву, Нил и Сену (4 строфа) (напомню, сам Гумилев не только бывал в Париже, но и путешествовал в Египет). Очутившись в прошлом («в бездне времен»), он видит нищего старика, о смерти которого «в Бейруте год назад» (5 строфа) лирическому герою тоже было твердо известно.

Вслед за знанием начинает мерцать эмоциональное припоминание: на вопрос «где я?» — «томно» и «тревожно» «сердце стучит в ответ», но в этот момент трамвай пронесет героя мимо «вокзала, на котором можно в Индию Духа купить билет» (6 строфа) (вокзал, который также, видимо, был известен / знаком ему). Не означает ли это отказ от «пересадки» в направлении Индии Духа? Это можно интерпретировать как отказ от пути «модной» на рубеже веков восточной мистики, которой и сам Гумилев отдал дань ³.

Герой обладает знанием не только о ближних и дальних пространствах и о прошлом, но и о будущем. Он наделен способностью заглянуть в чудовищную «зеленую», где его собственная голова будет лежать среди других «срезанных», как капуста и брюква, голов. Герой «знает», кем головы срезаны, и что в «зеленой» их «продают» (7 и 8 строфы).

А дальше *знание* уступает место *памяти*. Воспоминание о настоящей, подлинной любви приводит героя к желанию остановить вагон в пространстве и времени; по «напудренной косе» и «императрице» можно догадаться, что это XVIII век ⁴. Здесь появляется отчетливая тема прихода раскаяния — в совершённом в прошлом неверном предпочтении: возможность быть представленным императрице герой тогда предпочел возможности «вновь» увидеть Машеньку (строфы 9–11).

Память и раскаяние приводят героя к принципиальному и абсолютно новому пониманию («понял теперь я» ⁵) того, что такое «свобода». Если «зоологический сад планет» прочесть как иносказательное наименование неба, метафорически населенного медведицами, дельфинами, козорогами, орлами, лебедями,

львами, псами и подобными названиями созвездий ⁶, а вход туда для «людей и теней» — как возможность возвращения в рай, то «наша свобода» в сочетании с небом-раем может быть только одной: свободой от первородного греха, который искупает своей жертвой Христос (строфа 12).

Это понимание свободы не только помогает герою вернуться в Петроград — к «знакомому» и сладкому ветру, мосту через Неву и Медному всаднику, но и к Исаакиевскому собору, «верной твердыне православья». Только православье помогает с помощью памяти, любви и раскаяния победить смерть и осознать бессмертие любимой («отслужу молебен о здравьи Машеньки»). Очевидно, этой победы можно достичь только ценой собственной жизни, отсюда в 14-й строфе «панихида по мне» (строфы 13 и 14) ⁷.

Такое понимание «свободы», впрочем, не приносит герою освобождения в земной жизни («навек в сердце угрюмо, И трудно дышать и больно жить...»); путешествие на трамвае вело в высшую реальность, а он, видимо, все же остается в земной (строфа 15). Е. Куликова в финале стихотворения видит невозможность для героя соединиться с возлюбленной и преобразование «героя, познавшего страдание и в каком-то смысле искупившего свои грехи» [Куликова 2015: 83]. Соглашаясь с таким пониманием, еще раз повторю: смерть возлюбленной будет побеждена в том будущем, где герою будет дано «отслужить молебен» по усопшей в Исаакиевском соборе (в духе и букве представления «смертию смерть поправ»).

В качестве итога к этой заметке рискну предположить, что в гумилевском трамвае можно увидеть не демоническое явление, но напротив — нечто подобное шестикрылому Серафиму пушкинского «Пророка», открывшему герою то, чего не видят, не слышат, не чувствуют и не понимают другие.

Примечания

¹ Подробнейший обзор интерпретаций Е. Ю. Куликова приводит в своей книге 2015 г. (см.)

² В контексте стихотворения вспомним также фразу «крестился на все церкви» в воспоминаниях В. Ходасевича, встречавшего Гумилева главным образом между 1918 и 1921 годами [Ходасевич 2009: 101].

³ Ср. в связи с подобными увлечениями самого Гумилева: [Богомолов 1999].

⁴ Большинство исследователей видят здесь «инверсию» сюжета «Капитанской дочки». По замечанию О. А. Лекманова (которого хочу здесь поблагодарить за советы и замечания), здесь может также отзвучивать имя прекрасно певшей Марии Львовны Нарышкиной, в которую были влюблены и Потемкин и Державин.

⁵ В стихотворении «Память» этот же глагол — «все пойму» — употреблен для обозначения узнавания скрытого Христа: «Предо мной предстанет, мне неведом, Путник, скрыв лицо, но все пойму, Видя льва, стремящегося следом, И орла, летящего к нему».

⁶ Ср. в том же стихотворении «Память»: «И тогда повеет ветер странный — / И прольется с мира страшный свет: / Это Млечный Путь расцвел неожиданно / Садам ослепительных планет. ...»

⁷ Хотя вопрос о христианских образах поэзии Гумилева в последние годы стал несколько «затоптанным» не самыми аргументированными построениями, «Заблудившийся трамвай», как я понимаю, подробно в этом ключе не рассматривался.

Библиография

Богомолов, Н. А.: 1999, 'Гумилев и оккультизм', Богомолов Н. А., *Русская литература начала XX века и оккультизм*, Москва, 113–144.

Куликова, Е. Ю.: 2015, «Дальние небеса» Николая Гумилева: Поэзия. Проза. Переводы, Новосибирск.

Ходасевич, В. Ф.: 2009, 'Гумилев и Блок', Ходасевич В. Ф., *Воспоминания*, Москва, 101–116.